

ЕВРОПА ПРОТИВ РОССИИ: ОТ РУСОФОБИИ ДО МЕТАНОФОБИИ

Мир вступил в новую реальность, в которой экологическая и климатическая проблематика играют все более важную роль.

Одним из главных событий, призванных юридически зафиксировать на международном уровне новую климатическую реальность в экономической и политической повестке дня, должна была стать конференция ООН в Копенгагене в декабре 2009 года. Уже сейчас очевидно, что вряд ли она станет источником судьбоносных решений. Но, несмотря на предстоящую безуспешность копенгагенской конференции для сторонников борьбы с глобальным изменением климата, основной тренд международной климатической политики уже задан. И он складывается не в пользу России.

Известно, что наша страна выполнила свои обязательства по Киотскому протоколу, несмотря на все сомнения в его научной обоснованности и на тот факт, что международные климатические правила игры откровенно несправедливы к нашей стране.

Демонизация в Европе природного газа как ископаемого топлива и опасного источника парниковых выбросов — наглядное свидетельство подобной несправедливости. Причем, основная цель такой компрометации, судя по всему, не защита экологии, а вытеснение российского углеводородного сырья с европейских рынков. Природный газ фактически является источником опасности для тщательно выстраиваемой новой политической, экономической и финансовой инфраструктуры, в которой климатическая риторика служит лишь идеологическим прикрытием, играя по сути роль новой мировой религии.

Одним из первоочередных вопросов в политической и экономической повестке дня Евросоюза является энергетическая политика. На официальном уровне объявлено, что производство и потребление энергии рассматриваются ЕС как приоритетная проблема в силу трех взаимосвязанных причин:

- изменение климата: сжигание ископаемого топлива для получения энергии является основным антропогенным источником парниковых газов;
- продолжающееся масштабное потребление невозобновляемых запасов ископаемого топлива и необходимость обеспечения устойчивости;
- безопасность энергоснабжения: ЕС импортирует более 50% потребляемых энергоносителей, и ожидается, что эта величина превысит 70% в ближайшие 20–30 лет.

В свою очередь, одной из наиболее актуальных тем для европейской энергетической политики стал газовый вопрос. Причем здесь все сильнее начинает проявлять себя следующая негативная для России тенденция: Евросоюз проводит целенаправленное и системное наступление против присутствия российского газа на европейском рынке.

В Европе постоянно заявляют о чрезмерной зависимости от поставок российского голубого топлива. Причем, как правило, без расшифровки показателей этой самой зависимости, что вполне понятно: цифры свидетельствуют о довольно умеренном присутствии «Газпрома» на рынке ЕС.

Кроме того, проявившаяся за последние годы антипатия к российскому газу и к отечественному газовому монополисту постепенно трансформировалась в желание сократить потребление газа вообще.

Газовая стратегия ЕС

Внешнюю стратегию Еврокомиссии в газовой сфере можно разделить на следующие три основных направления:

- активный поиск и поддержка всех возможных поставщиков газа под девизом «только

Марк ФРАНКО,
Глава представительства Еврокомиссии в РФ:

«Альтернатива зависит от сроков: если завтра, то альтернативы нет, если через год — то несколько вариантов, через пять лет — множество. В долгосрочном плане могут быть другие поставщики.»

Жозе Мануэль БАРРОЗУ,
Глава Еврокомиссии:

«Цены на энергию в Европейском союзе в прошлом году выросли в среднем на 15%. Импорт энергоресурсов составляет 54%, что обходится в 700 евро на каждого гражданина ЕС. Мы должны вплотную этим заняться, принять меры по увеличению нашей энергоэффективности и снижению нашей зависимости от импорта. Мы должны инвестировать и диверсифицировать.»

не Россия» на фоне падения собственной добычи, а также ограниченного потенциала увеличения поставок из Норвегии в перспективе 10 лет;

- подготовка к принятию «третьего энергетического пакета» по либерализации рынков газа и электроэнергии, который на первом этапе фактически содержал запрет на инвестиции стран-поставщиков в энергетическую инфраструктуру на территории ЕС без санкции Брюсселя;

- декларация стратегической цели «20–20–20», подразумевающей к 2020 году увеличение странами ЕС энергоэффективности на 20%, снижение выбросов углерода на 20% (по сравнению с уровнем 1999 года) и повышение доли возобновляемых источников энергии до 20% в общей структуре энергопотребления Евросоюза.

Кроме того, Брюссель активно борется за формирование консолидированной позиции ЕС по вопросам взаимодействия с поставщиками энергоресурсов и получение от стран-участниц мандата на проведения переговоров. Нередко звучат идеи создания картеля потребителей газа в лице ЕС, чтобы исключить конкуренцию стран союза за энергоресурсы и инфраструктурные проекты по их доставке в Европу.

При этом де-юре большинство полномочий на проведение внешней энергетической политики находится в компетенции национальных правительств, самые влиятельные из которых (Германия и Франция), очевидно, не го-

тovy поступиться своим «энергетическим суверенитетом».

Между тем, реальные цифры свидетельствуют, что чрезмерной зависимости Европы от России в

Негативная для России тенденция: Евросоюз проводит целенаправленное и системное наступление против присутствия российского газа на европейском рынке

газовой сфере нет. Доля «Газпрома» в газоснабжении Европы является вполне сбалансированной (см. «Доля «Газпрома» на рынках европейских стран»).

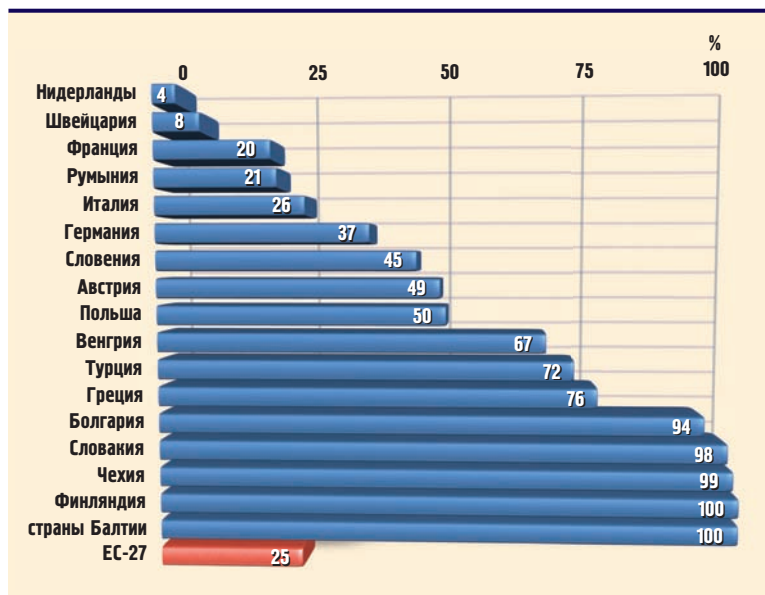
Реальные цифры свидетельствуют, что чрезмерной зависимости в газовой сфере нет. Доля «Газпрома» в газоснабжении Европы является вполне сбалансированной

По данным Eurogas, доля РФ на газовом рынке ЕС составила 25%, при этом 18% и 10% удерживают Норвегия и Алжир, остальное покрывается за счет собственной добычи, Ливии и импорта СПГ. Ценообразование в долгосрочных контрактах между «Газпромом» и европейскими по-

Разговоры о необходимости диверсификации источников сырья для большей убедительности постоянно приправляются «страшилками», усиленно распространяемыми в общественном мнении на Западе

купателями (а их важность для стабильного газоснабжения Брюссель признал еще в 2003 го-

Доля «Газпрома» на рынках европейских стран

Сравнительный анализ характеристик видов топлива, фунтов/млрд БТЕ потребляемой энергии

Загрязняющее вещество	Природный газ	Нефть	Уголь
CO ₂	117 000	164 000	208 000
CO	40	33	208
Оксиды азота	92	448	457
Диоксид серы	1	1 122	2 591
Твердые частицы	7	84	2,744
Ртуть	0,000	0,007	0,016

Источник: Управление по информации в области энергетики (EIA)

ду и снял требование об их отмене) не подвержено спекулятив-

Брюссель продвигает два стратегических документа, которые должны определить энергетическое лицо ЕС на ближайшие 10–12 лет. Это «третий энергетический пакет» и стратегия «20–20–20»

ным воздействиям со стороны поставщика, что делает практи-

ЕС: ограничение роста энергозависимости от импорта может быть достигнуто только снижением потребления и ростом производства энергии за счет использования возобновляемых источников

чески невозможным картельное определение цены на поставляемый газ.

Разговоры о необходимости диверсификации источников сырья для большей убедительности постоянно приправляются «страшилками», усиленно распространяемыми в общественном мнении на Западе, по поводу ненадежности нашей страны как поставщика углеводородных ресурсов, о стремлении России реализовывать свои имперские амбиции с помощью энергетической дубинки и т.д. Для дискредитации позиций России, для того, чтобы хлопать дверью на пути российского газа, используется любой удобный повод.

В этой связи весьма показательно, что Евросоюз не стал разбираться, кто прав, кто виноват в газовом конфликте между Россией и Украиной, случившемся в начале 2009 года. Было лишь констатировано, что обе страны «потеряли значительную долю доверия со стороны Евросоюза», но

«ЕС не собирается судить, кто виноват в российско-украинском газовом споре».

Очевидно, что у Брюсселя существует два основных пути для того, чтобы снизить свою зависимость от импорта природного газа из России:

- поиск альтернативных источников поставок природного газа;
- меры, направленные на уменьшение его доли в топливном балансе; здесь можно, в свою очередь, выделить развитие традиционной энергетики, не связанной с потреблением природного газа (атомная и угольная энергетика), а кроме того, проведение политики энергосбережения и развитие т.н. «зеленой» энергетики.

Причем Брюссель намерен использовать параллельно оба этих метода для того, чтобы в максимальной степени «отвязаться» от российской газовой трубы. Интересно, что в различных европейских странах некоторые политики вновь заговорили о необходимости развития атомной энергетики в их государствах после долгих лет табу. Получают развитие проекты по созданию угольных ТЭЦ с технологиями улавливания углекислого газа.

Одновременно в последние годы от имени Брюсселя ведется последовательный поиск альтернативных поставщиков газа. Причем имеется очевидный перекос в сторону агрессивной политической поддержки проекта по доставке в Европу в обход России прикаспийского газа.

Правда, Еврокомиссия признает, что на данный момент альтернативы поставкам газа из России нет. Между тем, действия европейских властей можно охарактеризовать не только как системное и последовательное наступление на российские газовые поставки, но и как желание избавиться от роста потребления природного газа в целом. В последнее время происходит процесс заметной демонизации роли этого вида энергоносителя в европейском энергобалансе.

Причем объяснить подобный подход к энергоносителям рацио-

Прогноз развития энергетического баланса ЕС до 2020 г. в соответствии со старым планом и новой энергетической политикой (стратегия «20-20-20»)

EU-27, МЛН Т Н.Э.	2005 г.	Старый базовый прогноз		Новый базовый прогноз	
		При цене \$61/барр	При цене \$100/барр	При цене \$61/барр	При цене \$100/барр
Первичный спрос на энергию	1 811	1 968	1 903	1 712	1 672
Нефть	666	702	648	608	567
Газ	445	505	443	399	345
Уголь	320	342	340	216	253
Возобновляемые источники	123	197	221	270	274
Атом	257	221	249	218	233
Производство первичной энергии в ЕС	896	725	774	733	763
Нефть	133	53	53	53	52
Газ	188	115	113	107	100
Уголь	196	142	146	108	129
Возобновляемые источники	122	193	213	247	250
Атом	257	221	249	218	233
Импорт (нетто)	975	1 301	1 184	1 033	962
Нефть	590	707	651	610	569
Газ (в скобках — млрд м ³)	257 (298)	390 (452)	330 (383)	291 (337)	245 (284)
Уголь	127	200	194	108	124

Источник: Second Energy Review, European Commission

нально не представляется возможным. Газ является гораздо более экологически чистым, чем нефть или уголь, более технологически безопасным, чем атомная энергетика, и более дешевым, чем большинство возобновляемых источников энергии (см. «Сравнительный анализ характеристик видов топлива»).

Тем не менее, в дополнение к активной политике диверсификации ресурсной базы газоснабжения Европы, Брюссель продвигает два стратегических документа, которые должны определить энергетическое лицо ЕС на ближайшие 10–12 лет. Это «третий энергетический пакет» и стратегия «20–20–20». Пакет призван установить новые стандарты либерализации рынка газа, стратегия — снизить зависимость экономики Евросоюза от газа как такового.

Накануне прошедшего осенью 2008 года саммита Россия–ЕС в Ницце европейские чиновники опубликовали План действий ЕС в сфере энергетической безопасности и солидарности. По мысли Еврокомиссии, этот документ должен стать практической основой для достижения амбициозной цели, так называемой «20–20–20» (сниже-

ние к 2020 году на 20% выбросов углекислого газа, уменьшение удельного спроса на энергоресурсы на те же 20% и увеличение доли возобновляемых источников энергии в общем топливном балансе до 20%). И его направленность «в обход России» трудно не заметить.

В данном случае речь идет уже о диверсификации энергоресурсов и снижении доли газа в энергобалансе Европы. Среди действий имеются меры по развитию хранилищ нефти и газа, разработке антикризисных механизмов, повышению эффективности энергопотребления и более полному использованию собственных ресурсов. Впрочем, первую скрипку в предложенном плане играют действия по ограничению потребностей в импорте российского газа.

А развитие отношений с Россией находится за пределами главных приоритетов. Хотя в тексте плана действий говорится, что в рамках переговоров необходимо выйти на реформу и либерализацию внутренних энергетических рынков России, обеспечить стабильность и предсказуемость спроса на российский газ в Европе и определить правила инвестирования «Газпрома» (и дру-

гих компаний) в системы распределения и сбыта газа в ЕС.

Однако разночтения в прогнозах потребления составляют от 100 до 220 млрд м³ газа. Как такой разброс учесть в долгосрочных планах по добыче, созданию транспортных мощностей и сбыту?

Газовые прогнозы Запада

Воплощение стратегии «20–20–20» (ее также называют Новой энергетической политикой — НЭП) в жизнь, по мысли европей-

Очередная беда: несмотря на всю дискуссионность этой теории, «парниковая проблема» стала одной из наиболее актуальных тем для общественного мнения западных стран

ских чиновников, должно привести к снижению потребностей стран ЕС в нефти и особенно в газе. Поскольку с падением добычи нефти, газа и угля в странах ЕС ничего особо не поделаешь - запасы продолжают стремительно истощаться, — ограничение роста энергозависимости от импор-

РОССИЯ И КИОТО

Россия подписала Киотский протокол 11 марта 1999 года. Закон о ратификации был принят в октябре 2004 года Госдумой и Советом Федерации. Президент РФ Владимир Путин подписал его 4 ноября 2004 года (под №128-ФЗ). После ратификации Киотского протокола Россией он вступил в силу 16 февраля 2005 года.

Согласно общераспространенной версии, решение о присоединении России к Киотскому протоколу руководство государство приняло, чтобы облегчить для страны переговоры по вступлению в ВТО.

Группы парниковых газов согласно Киотскому протоколу

Название группы	Коэффициент потенциала глобального потепления*
Углекислый газ CO ₂	1
Метан CH ₄	21
Закись азота N ₂ O	310
Гидрофторуглероды HFCs	Коэффициенты пересчета различаются в зависимости от химической формулы вещества
Перфторуглероды PFCs	
Гексафторид серы SF ₆ (элегаз)	22,9 тыс. т

* Коэффициент характеризует относительную меру воздействия парникового газа на климат и приравнивается к CO₂

та может быть достигнуто только снижением потребления и ростом производства энергии за счет использования возобновляемых источников.

Добыча газа должна снизиться на 80–90 млн тонн нефтяного эквивалента к 2020 году. А импорт при цене \$100 должен сжаться до 245 млн тонн н.э. (на 13 млн тонн меньше, чем в 2005 году). Это при том, что по сценарию развития энергетики ЕС, который не учитывал рост закупок газа на 80 млн тонн н.э. при 100-долларовой нефти.

То есть разночтения в прогнозах потребления составляют от 100 до 220 млрд м³ газа, которые должны учитываться в долгосрочных планах по добыче, созданию транспортных мощностей и сбыту.

Также можно привести прогноз Агентства энергетической информации Министерства энергетики США. Согласно Обзору мировой энергетики (ОМЭ '2009 — International Energy Outlook '2008), подготовленному данным ведомством, потребление природного газа в европейских странах, входящих в ОЭСР, будет расти на 1% в год — рост в среднем с 19,2 трлн ф³ (0,54 трлн м³) в 2006 году до 21,5 трлн ф³ (0,61 трлн м³) в 2015-м и 24,1 трлн ф³ (0,68 трлн м³) в 2030-м.

По оценкам агентства, в основном это произойдет в результате более широкого использования природного газа для выработки

электроэнергии. Природный газ будет являться здесь вторым наиболее динамично растущим источником энергии с ростом на 2% в год. Он будет уступать лишь возобновляемым источникам энергии, где ежегодный рост, как ожидается, будет составлять 3,2% в год.

При этом, по мнению американских экспертов, в пользу роста спроса на природный газ для использования его в электроэнергетике говорят следующие обстоятельства:

- его большая «углеродная» чистота по сравнению с прочими видами ископаемого топлива и обязательство по ограничению выбросов двуокиси углерода, что должно поощрять власти к использованию природного газа вместо других видов ископаемого топлива;
- более низкие капитальные затраты на строительство мощностей по выработке электричества по сравнению с ядерной энергетикой, а также с энергетикой, основанной на использовании возобновляемых источников энергии;
- ожидаемый выход из эксплуатации некоторых существующих ядерных энергетических мощностей.

В результате, по данным агентства, из-за роста потребления природного газа Европа все больше будет становиться зависимой от его импорта. Если в 2006 году европейские страны, входящие в ОЭСР, импортировали 44% от общего объема потребляемого природного газа, то в 2030 году этот показатель возрастет до 57%.

Показательно, что сами европейские политики в своей экологической риторике в настоящее время используют фактически два разнонаправленных прогноза потребления газа. Один — своего рода для внутреннего использования. Здесь газ признан «вредным» топливом, наряду с нефтью и углем, чье потребление, согласно Новой энергетической политике Евросоюза, необходимо сокращать.

Такой посыл, напомним, содержится, в частности, в про-

Тема борьбы с вредными выбросами уже далеко ушла от сугубо экологической специфики и приобрела высокую степень политизированности. Она становится фактически краеугольным камнем нового мирового порядка

Согласно расчетам, в результате проведения европейской НЭП потребности в закупках нефти из-за рубежа в Европе составят 610 и 570 млн тонн при цене барреля в \$61 и \$100 соответственно. В 2005 году — для сравнения — было импортирова-

Россия долгое время была в стороне от новомодных экологических веяний, и проблема климатических изменений всерьез мало кого интересовала. Однако за период 2008–2009 годов ситуация кардинально изменилась

но 590 млн тонн. И это при том, что собственная добыча снизится со 133 млн тонн до 52–53 млн (см. «Прогноз развития энергетического баланса ЕС до 2020 г.»).

грамме «20–20–20». Кроме того, согласно недавним прогнозам парижского Международного энергетического агентства, борьба за экологию и развитие новых возобновляемых энергетических технологий станет в ближайшие годы одной из причин падения цены на газ в мире и уменьшения спроса на него. Как отмечается в отчете МЭА, спрос на газ до 2015 года уменьшится на 5%, а в перспективе до 2030 года — почти на 20%.

Напротив, для России европейские чиновники, рекламируя «выгоды» для нашей страны от принятия «посткиотских» соглашений, используют уже иные тезисы. К примеру, британский министр по делам энергетики и изменения климата Эд Милибэнд в ходе своего визита в Москву в октябре 2009 года уверял, что, поскольку мир находится на переходном этапе к более экологичным видам топлива, значение природного газа возрастает.

Поэтому, по его словам, Россия как ведущий мировой экспортер газа должна быть крайне заинтересована в успехе международной климатической конференции в Копенгагене: в этом случае мир будет постепенно уходить от угля, используя газ как альтернативу. Правда, как уже отмечалось, одновременно с подобными увещеваниями России Евросоюз демонстрирует намерения сокращать потребление газа из-за его, якобы, вреда для климата планеты.

Парниковый тренд

Усиление роли экологического фактора стало одним из наиболее заметных феноменов конца XX - начала XXI века в политической, экономической и общественной жизни развитых стран мира. Более того, экологической проблематике уже тесно в национальных рамках. Она уверенно выходит на надгосударственный, международный уровень, начиная определять тенденции развития мировой политики и экономики.

Как хорошо известно, в наибольшей степени это характерно, прежде всего, для темы глобаль-

ных климатических изменений. Считается, что резко усилившееся за последние десятилетия антропогенное воздействие привело к потеплению климата из-за так называемого парникового эффекта — свойства атмосферы пропускать солнечную радиацию, но задерживать земное излучение. Это способствует аккумуляции тепла планеты, что в свою очередь грозит привести к целому ряду негативных или даже катастрофических последствий для человечества.

В настоящее время в мире очень высока степень обеспокоенности проблемой борьбы с парниковыми газами и вопроса предотвращения возможных катастроф, вызванных антропогенной эмиссией. Несмотря на всю дискуссионность этой теории, «парниковая проблема» стала одной из наиболее актуальных тем для общественного мнения западных стран.

Более того, именно климатическая проблематика все сильнее определяет магистральные направления развития международных политико-экономических процессов. В частности, на протяжении последних лет проблема климатических изменений постоянно входит в центральную повестку дня саммитов G8.

Весьма показательно также, что лауреатами Нобелевской премии мира за 2007 год стали Альберт Гор, бывший вице-президент США администрации Билла Клинтона, и члены Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Они были удостоены этой награды за изучение последствий глобальных климатических изменений, вызванных деятельностью человека, и за выработку мер по их возможному предотвращению.

Данное событие можно назвать по-своему знаковым. Дело в том, что оно стало своего рода

официальным публичным провозглашением того факта, что «экологический разворот» в международном политическом процессе уже состоялся и это необходимо воспринимать как данность.

Россия приняла правила игры: концепция Климатической доктрины РФ укладывается в руло основного тренда мировой экологической политики по сокращению выбросов — без каких-либо оговорок на дискуссионность

Надо напомнить, что среди ученых по-прежнему отсутствует единое мнение о том, насколько велика роль парниковых газов антропогенного происхождения в процессе изменения климата и увеличении числа природных аномалий. Зачастую дискуссия вокруг данной проблемы, как с той, так и с другой стороны, носит спекулятивный характер и имеет целью создание искусственного ажиотажа.

Поэтому на фоне растущей активности в сфере международной борьбы с глобальным потеплением ряд экспертов высказывают мнение о нецелесообразности усилий по сокращению эмиссии парниковых газов. К примеру, международные соглашения должны быть ориентированы, прежде всего, на снижение выбросов огромного количества сернистого газа, угарного газа, окислов азота, бензапирена, сажи, тяжелых металлов. Именно они отличаются высокой токсичностью, мутагенностью и канцерогенностью.

Тем не менее, несмотря на все разногласия с оценкой вопросов климатических изменений и роли антропогенного фактора, основополагающий тренд отношения к данной проблематике уже задан. Сложился своего рода политический консенсус, определяющий

Жозе Мануэль Баррозу, Председатель Еврокомиссии:

«Наши партнеры из развивающихся стран, и, в частности, наиболее экономически развитые из них, должны будут четко высказаться о том, что они будут готовы сделать в рамках международного соглашения для смягчения последствий выбросов углерода. Ими уже прилагаются усилия для ограничения выбросов, но, несомненно, требуется сделать гораздо больше».

Это термин, обозначающий процесс увеличения выбросов двуокиси углерода в одной стране в результате их сокращения в другой стране, придерживающейся строгой политики в отношении эмиссии парниковых газов. Это может происходить из-за того, что производство будет перемещаться в те страны, в которых экологические издержки на единицу произведенной продукции будут меньше.

В результате этого реального сокращения выбросов не произойдет. Кроме того, экономики тех стран, которые не будут уделять должного внимания борьбе по ограничению выбросов парниковых газов, получают конкурентные преимущества перед государствами, проводящими ответственную экологическую политику.

международные правила игры в экологической сфере, и это необходимо воспринимать как данность. Можно выделить следующие основные позиции данного консенсуса:

- климатические изменения на планете происходят;
- эти процессы несут целый комплекс глобальных угроз;
- борьба с климатическими изменениями необходима;
- для снижения угрозы требуются совместные усилия всего человечества.

Тема борьбы с вредными выбросами уже далеко ушла от сугубо экологической специфики и приобрела высокую степень политизированности. Она становится фактически краеугольным камнем нового мирового порядка. Политики, бизнесмены, эксперты теперь вынуждены учитывать значимую роль «климатического фактора», рискуя в противном случае попасть под огонь

Но не является ли новый мировой климатический порядок эффективным механизмом усиления политических и экономических позиций развитых стран, действенным способом закрепления их технологического преимущества?

критики общественного мнения и оказаться вне фарватера мирового эколого-политического mainstream.

Как отмечал американский метеоролог Уильям Грей, ученые стараются не выступать против теории об антропогенной причине глобального потепления, даже если считают ее ошибочной, поскольку не хотят лишиться финансирования.

Более того, экологическая концепция, основанная на идее парникового эффекта, приобрела по сути черты религиозной доктрины со своими пророками, догматами и ритуалами. Борьба же с эмиссией парниковых газов стала своего рода крестовым походом, неприятие которого будет воспринято как ересь и отказ от принципов «прогрессивного человечества».

Факт изменения климата принят в качестве категорического императива (хотя как раз в этом мало кто сомневается). Однако, в свою очередь, по умолчанию подразумевается, что главной причиной данных изменений является именно эмиссия парниковых газов (см. «Группы парниковых газов согласно Киотскому протоколу»).

Втягивание России

Наша страна долгое время была в стороне от новомодных экологических веяний, и проблема климатических изменений всерьез мало кого интересовала. Небольшой всплеск внимания к данной проблеме отмечался лишь во время ратификации Киотского договора, да и то данная тема интересовала политиков и экспертов в основном лишь с прагматической точки зрения — насколько России выгодны условия международного соглашения по борьбе с климатическими изменениями.

Однако за период 2008–2009 годов ситуация кардинально изменилась. В частности, официальные лица стали предупреждать о целом ряде возможных негативных последствий для страны от глобального потепления. Так, по мнению МЧС, к 2030 году раз-

рушения на севере России, связанные с климатическими изменениями, могут стать катастрофическими: нашей стране грозит радиоактивное заражение, масштабные выбросы метана и разгерметизация скотомогильников.

Однако наиболее заметным шагом в этом направлении стала разработка Климатической доктрины РФ, текст которой еще предстоит подписать Президенту РФ. Напомним, в апреле 2009 года основные принципы проекта данного документа, подготовленного Росгидрометом, были рассмотрены и одобрены Президиумом Правительства РФ. Фактически одновременно с этим событием включился в «антипарниковую риторику» и Владимир Путин.

Причем он сформулировал российскую концепцию борьбы с климатическими изменениями следующим образом: через «внедрение энергосберегающих технологий и предъявление высоких требований к технологическому уровню». В ходе же обсуждения концепции Климатической доктрины российским кабинетом министров премьер-министр предложил на базе ее положений сформулировать сугубо конкретную программу действий.

При этом стоит особо обратить внимание, что концепция Климатической доктрины РФ укладывается в русло основного mainstream мировой экологической политики. В документе выражается озабоченность правительства России беспрецедентно высокой скоростью глобального потепления, наблюдаемой в течение нескольких последних десятилетий.

Без каких-либо оговорок на дискуссионность подобного рода выводов официально признается, что современная наука предоставляет все более веские основания в подтверждение того, что хозяйственная деятельность человека (прежде всего, связанная с выбросами парниковых газов в результате сжигания ископаемого топлива) уже оказывает заметное влияние на климат. Также в документе говорится о необходимости принятия мер как по адаптации к изменениям климата, так и по снижению выбросов.

В Копенгаген за штрафными санкциями?

Как известно, ограничить выброс парниковых газов в мире был призван так называемый Киотский протокол, срок действия которого ограничен периодом 2008–2012 годов. Согласно ему, промышленно развитые страны к 2012 году должны сократить выбросы парниковых газов в среднем на 5% по сравнению с 1990 годом. В настоящее время идет выработка новых международных договоренностей, которые должны прийти на смену киотским после 2012 года.

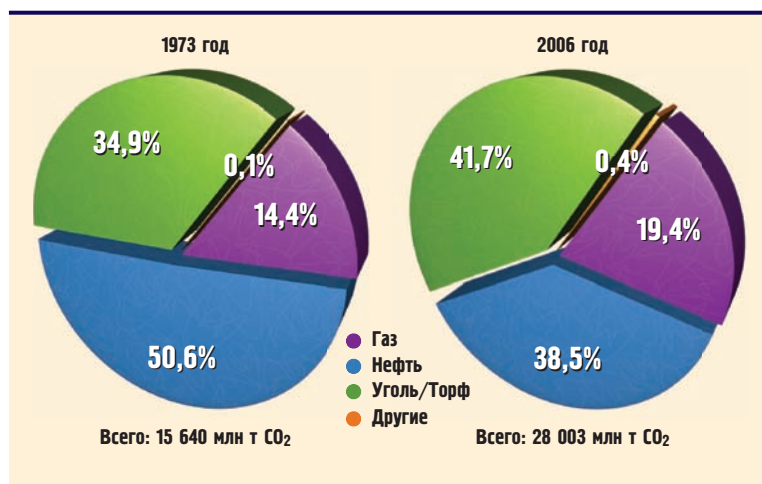
На совещании сторон Киотского протокола на Бали в 2007 году мировое сообщество признало, что к 2050 году необходимо снизить эмиссию CO₂ на 50%. Как ожидается, «посткиотское» климатическое соглашение должно быть принято в Копенгагене.

Правда, учитывая серьезные разногласия между различными странами, проявившиеся в ходе переговоров, новое соглашение по климату в 2009 году вряд ли будет принято. В частности, развитые постиндустриальные страны с трудом идут на уступки развивающимся государствам, которые вынуждены наращивать эмиссию парниковых газов в силу необходимости быстрого догоняющего развития своего промышленного производства.

Очевидным признаком грядущего фиаско стало заявление в середине ноября 2009 года со стороны Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна о том, что в Копенгагене необходимо подписать политическое, а не юридически обязывающее соглашение по климату. До этого генсек ООН с завидной регулярностью настаивал на необходимости принятия в декабре нового международного соглашения по климату.

Однако сейчас планка ожиданий сторонников борьбы с парниковыми газами понизилась до того, что в Копенгагене необходимо хотя бы выработать «дорожную карту» дальнейших согласованных действий по борьбе с изменением климата. Что касается точных цифр по ограничению

Вклад различных видов топлива в мировую эмиссию CO₂

промышленных выбросов, то, как уверяют, их можно согласовать позже.

По всей видимости, копенгагенская встреча своим итогом будет иметь очередную громкую политическую декларацию, призванную продемонстрировать всему прогрессивному человечеству стремление лидеров различных стран бороться с изменением климата, ограничивать выбросы парниковых газов и т.д. Причем, очевидно, что перенос сроков принятия «юридически обязывающего документа» отнюдь не сокращает количество противоречий между участниками будущего климатического соглашения.

Подчеркнем, что копенгагенская модель, согласно позиции представителей ряда западных стран, в том числе европейских государств, должна была зафиксировать «ответственность развивающихся стран за эмиссию парниковых газов». Однако возникает вопрос, каким образом будет распределяться данная ответственность, кто будет назначать виновных.

В данной связи отметим, что существует мнение о будущем преемнике Киотского протокола как эффективном инструменте давления в мировой политике. Дело в том, что новый мировой климатический порядок вполне может стать эффективным механизмом усиления политических и экономических позиций развитых стран, действенным способом за-

крепления их технологического преимущества.

Более того, в США и в Евросоюзе сейчас рассматриваются возможности введения санкций против тех стран, чья политика в сфере экологии будет признана не соответствующей необходимым стандартам. В частности, в 2009 году стало известно о планах новой администрации США

Роль главного мирового лидера в международной климатической политике настойчиво пытается играть Евросоюз

по введению мер тарифного регулирования, которые в будущем будут применяться к товарам из стран, в которых не осуществляется политика ограничения выбросов вредных веществ в атмосферу.

В свою очередь это вызвало протесты со стороны ряда государств. Так, министр охраны окружающей среды и лесов Индии Джерам Рамеш летом 2009 года назвал рассматриваемый американскими законодателями углеродный тариф примером растущего давления на развивающиеся страны.

Также в последнее время с официальных трибун предлагается создать некий наднациональный орган, который будет заниматься мониторингом экологической политики правительств различных стран. На экспертном уровне стали раздаваться голоса о необходимости введения опре-

Выбросы парниковых газов Российской Федерации по секторам МГЭИК (млн т CO₂-экв.)

Сектор	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Энергетика	1 626,48	1 647,03	1 625,02	1 673,01	1 668,94	1 723,88	1 755,39
Промышленные процессы	137,17	156,79	171,88	174,97	174,27	185,98	192,39
Использование растворителей и другой продукции	0,51	0,52	0,52	0,53	0,53	0,53	0,53
Сельское хозяйство	154,79	142,65	146,27	147,34	147,31	143,11	139,82
Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство	110,80	-162,75	365,29	249,22	-176,46	-362,15	-198,52
Отходы	52,67	55,10	57,23	58,74	60,37	62,33	64,30
Всего	2 082,42	1 839,34	2 366,21	2 303,80	1 874,97	1 753,68	1 953,92

Источник: Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом за 1990–2004 гг.

деленных контролируемых ограничений на использование энергоресурсов для развивающихся государств.

Климатическая политика в данной связи рассматривается в качестве инструментария, который необходим для искусственного сдерживания уровня энергопотребления в таких странах.

Следует признать, что, несмотря на многочисленные декларации о готовности приложить все усилия в борьбе с климатическими изменениями, важно-

выбросов к 2020 году на 20% по сравнению с 1990 годом.

Официальный Брюссель даже выражал готовность довести сокращение до 30%, если прочие развитые страны примут аналогичные обязательства в будущем климатическом соглашении. Как указывали сами европейцы, деятельность по сокращению эмиссий способствует повышению энергоэффективности и экономии энергоресурсов, что соответствует стратегическим целям ЕС по обеспечению энергетической безопасности. Необходимость сокращения выбросов парниковых газов выступает и одним из главных аргументов Брюсселя в борьбе против природного газа (см. «Вклад топлив в мировую эмиссию CO₂»).

Особо отметим, что в программе «20–20–20» предусматривается принятие механизмов против эффекта т.н. carbon leakage — то есть против получения экономических выгод теми странами, которые не будут охвачены жесткой системой борьбы с выбросами парниковых газов. Соответствующие защитные меры Евросоюз планирует рассмотреть уже к 2011 году. Кстати, по логике борцов с carbon leakage, получением обоснованных торговых преимуществ может считаться, в том числе, снижение издержек производителями других стран за счет использования ими при выпуске продукции традиционных видов энергоносителей.

Между тем, объемы антропогенной эмиссии парниковых газов со стороны стран Евросоюза на-

много больше, нежели могут поглотить их природные экосистемы. Таким образом, европейские страны наносят ущерб окружающей среде не только на своей территории, но и на территории других государств. Подобное соотношение вряд ли сможет измениться, по крайней мере, в обозримый период, несмотря на все усилия по ограничению антропогенной эмиссии.

Но если европейские страны, несмотря на всю экологическую риторику их лидеров, в реальности являются — и будут таковыми оставаться — нетто-эмитентами парниковых выбросов, то Россия, в отличие от других стран, выбрасывает их значительно меньше, чем может поглотить ее растительный мир.

Дискриминация России

Дело в том, что российские леса вместе с болотами, выступающими фактически естественными хранилищами углерода, а также прочими экосистемами играют важнейшую роль в поддержании баланса парниковых газов в атмосфере всей планеты.

По масштабам поглощения углерода и особенно по размерам его длительного аккумулирования леса признаются наиболее надежной природной системой предотвращения парникового эффекта. Даже несмотря на интенсивную эксплуатацию, наша страна сумела сохранить свои природные экосистемы в гораздо лучшем состоянии, нежели многие страны мира.

Программа «20–20–20» предусматривает принятие механизмов против получения экономических выгод теми странами, которые не будут охвачены жесткой системой борьбы с выбросами парниковых газов

сти совместных усилий всего мирового сообщества в данном направлении и т.д. и т.п., различные страны ставят во главу угла, прежде всего, собственные интересы.

Роль главного мирового лидера в международной климатической политике настойчиво пытается играть Евросоюз. Так, именно европейские страны в свое время выступали в роли главного лоббиста Киотского протокола, а в настоящее время ЕС является ведущими драйвером «копенгагенского» процесса. Евросоюз ведет и активную внутреннюю политику по снижению выбросов парниковых газов. В частности, в 2007 году здесь приняли решение об одностороннем сокращении

В частности, к настоящему времени Россия обладает почти всех лесов планеты и большей частью т.н. бореальных лесов, наиболее эффективных с точки зрения поглощения и длительности депонирования углерода в экосистемах суши. Согласно некоторым оценкам, чистое ежегодное депонирование углерода в живой и мертвой биомассе лесов страны соответствует почти 1/3 углеродного бюджета, рассчитанного для всех лесов земного шара.

«Зеленые легкие Земли» необходимо рассматривать и как важный фактор влияния на глобальные климатические процессы на планете, а не только в качестве простого поглотителя углерода. Российская делегация на международных переговорах по изменению климата в данной связи безуспешно предлагала отход от примитивистской интерпретации значения лесов исключительно как средства депонирования углерода, выступая с инициативой об их признании как важнейшего климатоформирующего фактора.

Значительное влияние российских лесов на поглощение углекислого газа признают в том числе представители зарубежных природоохранительных организаций, действующих на территории нашей страны. В частности, по оценкам руководителя Климатической программы WWF России Алексея Кокорина, вероятно, примерно наполовину российский лес компенсирует российский антропогенный выброс парниковых газов. Причем подобные оценки многими экспертами считаются заниженными в разы.

Однако, согласно Марракешскому соглашению (2001 г.), в котором регулируются условия и порядок реализации Киотского протокола, для России ежегодный лимит на учет поглощений лесами не должен превышать 33 млн тонн углерода. В пересчете на эквивалент CO₂ это составляет 121 млн тонн в год.

В то же время, по информации Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН, запас углерода в биомассе российских

лесов составляет порядка 34 млрд тонн и каждый год наши леса поглощают не менее 75 млн тонн углерода — то есть, намного больше, чем Россия может засчитать для себя в рамках Киотского протокола.

По некоторым расчетам, леса нашей страны, а также обширные территории естественных лугов, тундры, кустарников и болот России, могут, по меньшей мере, полностью компенсировать текущую индустриальную эмиссию.

Более того, по оценкам руководителя группы ученых ЭМС РСАВ Виктора Потапова, в России отношение объемов выбросов к объемам поглощения этих выбросов составляет от 0,25 до 0,5. По его словам, ни одна промышленно развитая страна в мире не имеет подобного баланса ниже единицы, что говорит о том, что территория России является страной-донором, то есть, поглотителем выбросов других стран.

Напротив, в соответствии с формальными рекомендациями МГЭИК по учету размеров эмиссии и стока парниковых газов, Россия, как и большинство стран мира, виновна в увеличении парникового эффекта. Общепринятая парадигма решения климатических проблем нацелена, прежде всего, на ограничение антропогенной эмиссии парниковых газов. Учет вклада природных экосистем России в глобальный баланс парниковых газов не предусмотрен. Здесь приводятся следующие аргументы:

Объемы фиксации углерода не связаны однозначно с площадью лесов: углекислоту поглощает только растущий лес, и при этом тем интенсивней, чем выше температура. Таким образом, по данной логике, на севере леса значительно уступают тропическим по объему связываемой углекислоты. Правда, при этом забывается, что в северных лесах существенное количество углерода накапливается в мертвой биомассе, которая в условиях жаркого климата быстро разлагается и выбрасывает его обратно в атмосферу;

России не должно засчитываться в заслугу то, что, якобы, происходит само собой. Весь

смысл Киотского протокола — стимулировать специальные меры по сокращению выбросов углекислоты или ее поглощению, дополнительные по отношению к уже существующим природным или технологическим процессам. Поэтому существование в России огромных лесных массивов

Между тем, объемы антропогенной эмиссии парниковых газов со стороны стран Евросоюза намного больше, нежели могут поглотить их природные экосистемы

или самопроизвольный рост леса на месте сельскохозяйственных угодий не могут быть отнесены к этой категории, а «киотскими» мерами могли бы быть признаны какие-нибудь специальные усилия.

То, что Россия наравне с другими странами обязана ограничивать свои антропогенные выбросы парниковых газов, являлось в свое время дополнительным доводом для оппонентов Киотского протокола в нашей стране выступать против его ратификации. Они

Но никто не собирается учитывать «естественное» преимущество России: наша флора может, по меньшей мере, полностью компенсировать текущую индустриальную эмиссию

отмечали, в том числе, его дискриминационный характер по отношению к странам с относительно высокой долей территорий, занятых природными угодьями.

Природные экосистемы нашей страны признаются факторами, чье наличие не является «прямым следствием деятельности человека». Поэтому их роль в поглощении и в удержании углекислого газа фактически обнуляется. Также недостаточно учитывается и значительный потенциал России по искусственному созданию лесонасаждений, способных связывать и удерживать большое количество двуокиси углерода.

Таким образом, Россия выступает в роли своеобразного мирового «экологического донора», фактически компенсируя эмиссию других государств. Но ника-

Альтернативные источники энергии как способ борьбы с безработицей

Технология производства	Количество рабочих мест на ГВт*час производства электроэнергии
Биомасса	0,22
Геотермальные источники	0,25
Ветер	0,17
АЭС	0,15
Уголь	0,11
Газ	0,11

Источник: Копенгагенский климатический совет

ких компенсаций нашей стране за ее экологический вклад не предусмотрено. Более того, те или иные российские преимущества в архитектуре нового мирового экологического mainstream старательно минимизируются и ретушируются.

Так, другим аспектом, касающимся взноса нашей страны в борьбу против глобального потепления, является вопрос о сэкономленной российской части квоты в разрешенной ей эмиссии парниковых газов. Как известно,

Напротив, в соответствии с формальными рекомендациями Запада, Россия, как и большинство стран мира, виновна в увеличении парникового эффекта

российские выбросы значительно меньше установленного Киотским протоколом лимита, согласно которому они не должны превышать уровень 1990 года.

По информации Росгидромета, совокупная эмиссия парниковых газов в РФ в пересчете на

Природные экосистемы нашей страны признаются факторами, чье наличие не является «прямым следствием деятельности человека». Поэтому их роль в поглощении и удержании углекислого газа фактически обнуляется

СО₂-эквивалент и без учета землепользования, изменений землепользования и лесного хозяйства составила, к примеру, в 2007 году около 2,2 млрд тонн. Это соответствует 108,0% выброса 2000 года или 66,1% выброса базового 1990 года.

В этой связи многие эксперты обоснованно заявляют, что именно нашей страной в последние годы обеспечена реализация основных требований международных договоренностей по проблемам изменения климата о стабилизации уровня глобальных выбросов парниковых газов. Дело в том, что рост выбросов индустриальных стран компенсировался их снижением в российском секторе (см. «Выбросы парниковых газов Российской Федерации по секторам МГЭИК»).

Со своей стороны, РФ надеется, что сэкономленная часть квот в рамках новых международных договоренностей по борьбе с климатическими изменениями сможет быть перенесена на «посткиотский» период. Причем возможность такого зачета прямо предусматривается Киотским протоколом. Однако Россию уже пытаются упрекать в том, что она пытается «играть не по правилам», и заодно дискредитировать ее позицию по выполнению условий Киотского протокола.

Поэтому все сильнее звучит мнение о том, что сокращение Россией объема выбросов парниковых газов в сравнении с уровнем 1990 года не должно ставиться в заслугу нашей стране, что это вещь не совсем правильная, про нее необходимо уже забыть и начать все заново.

Ярким примером может послужить реакция «зеленых» на заявление президента РФ Дмитрия Медведева в июне 2009 года о том, что Россия может снизить к 2020 году выбросы на 10–15% по сравнению с уровнем 1990 года. Эти слова главы государства были, судя по всему, указанием на исходную позицию России на пе-

реговорах по новому климатическому соглашению, которое должно было быть принято в Копенгагене.

Однако параметр цифр сокращения эмиссии не устроил экологов. Была развернута целая кампания в СМИ, в ходе которой руководство страны обвинили в том, что оно решило ускорить рост выбросов. Как, в частности, отметили руководители российского представительства WWF, «объявление об ускоренном росте выбросов объясняется общим пренебрежением власти к проблеме изменения климата в целом и переговорам по новому соглашению в частности»...

Настоящий подарок руководителям других развитых стран, которые теперь будут использовать нас в качестве «плохого парня» в диалоге со своим обществом.

Демонизация метана

Вообще подобного рода дискредитация позиций России на «климатическом поприще» становится весьма характерным явлением. Так, в последнее время призывы о необходимости справедливой оценки значения экосистем России в мировом углеродном балансе стали наткаться на угрозы введения санкций за «ненадлежащее» парниковое поведение на своей территории. Дело в том, что в настоящее время в зарубежных СМИ активно муссируется тема метановой угрозы для климатического благополучия планеты. Именно метан приходит на смену углекислому газу в образе главного виновника грядущих климатических катаклизмов.

Как считается, в высоких широтах северного полушария почвы служат хранилищем колоссальных запасов органического углерода, не уступающих по его общему количеству атмосфере. Возможное потепление грозит превратить эти естественные хранилища в источники эмиссии парниковых газов. Из-за деградации вечной мерзлоты органические вещества, находившиеся до этого в замороженном состоянии, начнут разлагаться и высвобождать в атмосферу огромное количество метана. Таким образом, из-

за глобального потепления природные экосистемы нашей страны, якобы, должны из поглотителей парниковых газов превратиться в их активных эмитентов.

В результате активного распространения подобных «метановых страшилок» наша страна попала под угрозу своеобразного шантажа. Вопрос фактически ставится следующим образом: если наша страна выступает за справедливый учет вклада природных экосистем в углеродный баланс планеты, то тогда необходимо в будущем применять к России соответствующие санкции за эмиссию метана с ее территории.

Особо подчеркнем, что серьезность ситуации для России от нововведений заключается также в следующем: в будущем, если вдруг наша страна не захочет играть по навязываемым ей правилам игры в сфере ограничений выбросов парниковых газов, России грозит реальная опасность попасть под санкции «прогрессивного мирового сообщества». Здесь можно вспомнить, к примеру, и пресловутый эффект carbon leakage. Он, как можно ожидать, скоро станет для западных стран эффективным способом ведения торговых войн и оказания экономического давления под прикрытием благих целей борьбы за экологию планеты.

Весьма показательно, что дискриминация России в международных методологиях учета выбросов парниковых газов происходит на фоне создания преимуществ для стран Евросоюза. Здесь большая доля т.н. сервисной экономики, относительно малый процент сырьевого сектора, развитая инфраструктура и т.д. Кроме того, не следует забывать о климатических и географических особенностях Европы.

В целом же, страны Евросоюза уже прошли тот этап становления экономики, который требовал от них повышенных затрат энергоресурсов. В отличие от них, Россия стоит перед необходимостью развития промышленности, широкой модернизации инфраструктуры, масштабного жилищного строительства.

Также новые экологические принципы, пробиваемые Евросоюзом, зеленый свет которым

должен дать Копенгаген, могут вынудить Россию отказаться от такого конкурентного преимущества на мировом рынке, как наличие мощных запасов углеводородного сырья. Причины для этого, в частности, следующие:

- Во-первых, политика по сокращению эмиссии парниковых газов будет означать сжатие спроса на нефтяном и газовом рынке, что серьезно отразится на отечественной экономике. Кстати, подчеркнем, что для борьбы с климатическими изменениями некоторые эксперты уже предлагали взимать налог с каждой тонны продаваемого ископаемого топлива;
- Во-вторых, использование дешевых традиционных энергоресурсов внутри страны может быть расценено как получение преференций от ненадлежащей климатической политики, что может привести к введению барьеров для российского импорта.

Кроме того, Россия должна быть готова к превращению в «посткопенгагенском антиуглеродном мире» в рынок сбыта зарубежных экологических технологий и оборудования. В Гринпис России уже подсчитали, что нашей стране для того, чтобы довести энергоэффективность до уровня развитых государств, необходимо затратить \$300–400 млрд. При этом, 25% углеводородного сырья, по замыслу гринписовцев, может быть заменено, к примеру, на энергию солнца.

Кому выгодна «зеленая энергетика»?

Итак, в ближайшем будущем ЕС должен будет озаботиться поиском дополнительных объемов газа, иначе ему грозит еще большая зависимость от российских газовых поставок.

Однако Брюссель для разрешения подобной коллизии решил сократить потребление газа вообще, сделав ставку на энергоэффективность и развитие «зеленой» энергетика. Для обоснования подобно шага природный газ, так же как и другие виды ископаемого топлива, во-первых, был признан в ряду

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО ТРУБОПРОВОДНОЙ АРМАТУРЫ

ФОБОС

В М Е С Т Е К С О В Е Р Ш Е Н С Т В У

152908, г. Рыбинск, Ярославская обл., ул. Сысовская, 23
 тел.: (4855) 282-100, факс: (4855) 217-788
 e-mail: info@fobosarm.ru www.fobosarm.ru

виновных в экологических проблемах человечества, а заодно для большей убедительности в его вредности назван инструментом имперских амбиций Кремля.

В реальности одна из причин подобной «метанофобии» Европы лежит сугубо в практической плоскости. Евросоюз стремится своей «антигазовой» политикой давить на импортеров газа, добиваясь их сговорчивости. Европейцы же пытаются продемонстрировать, что они смогут в будущем значительно снизить свою зависимость от поставок энергоресурсов из-за рубежа и

В результате активного распространения подобных страшилок наша страна попала под угрозу своеобразного шантажа. России грозит реальная опасность попасть под санкции «прогрессивного мирового сообщества»

таким образом усилить свои позиции покупателя.

Под предлогом борьбы за экологию частую решаются и политические вопросы. Отказ от газа — попытка оторвать Россию от Европы. Кстати, политическую и экономическую подоплеку в климатических играх, приводящих порой к довольно абсурдным ситуациям, хорошо демонстрирует пример Украины. Руководство этой страны уже долгое время заявляет о желании избавиться от газовой зависимости от России.

С этой целью здесь постоянно заявляют о намерении активно заниматься энергосбережением, регулярно обнародуют различного

Весьма показательно, что дискриминация России в международных методологиях учета выбросов парниковых газов происходит на фоне создания преимуществ для стран Евросоюза

рода планы и программы по масштабному производству энергии из самых различных «экологически чистых» источников — от соломы до отходов жизнедеятельности человека. Немалые надежды на «экологизацию» экономики возлагали и на средства, которые планировали получить от продажи части страновой квоты на выброс парниковых газов в рамках механизмов Киотского протокола.

В реальности одна из причин подобной «газофобии» Европы лежит глубоко в практической плоскости. Евросоюз стремится своей «антигазовой» политикой давить на импортеров газа, добиваясь их сговорчивости

Однако в середине 2009 года кабинет министров Украины заявил о том, что средства, которые страна получит от продажи своих

Вытеснение природного газа с энергетических рынков Евросоюза — идеологическая ширма, за которой скрываются политические и экономические амбиции ряда лидеров Евросоюза, а также интересы части мировой финансовой и экономической элиты?

квот Японии, будут пущены на развитие угольного отопления. Украинское правительство намерено осуществить стратегическую программу реконструкции и модернизации тепловых генерирующих компаний, в том числе две трети тех, что работают на природном газе.

То есть, вместо использования такого экологически чистого топлива, как природный газ, Украина решила увеличить сжигание угля.

Таким образом, экологический фактор оказался задвинут на второй план — на первое место вышли такие прагматичные интересы, как «отвязка» от российской газовой трубы и развитие собственной угольной промышленности.

Кроме того, нам видится, что в значительной степени причиной вытеснения природного газа с энергетических рынков Евросоюза зачастую являются не экологические причины и не желание повысить энергетическую безопасность «старого света». Это все служит порой идеологической ширмой, за которой скрываются политические и экономические амбиции ряда лидеров Евросоюза, а также интересы части мировой финансовой и экономической элиты.

Дело в том, что на фоне грандиозных объемов заявленных инвестиций в сектор «экологически чистой» энергетики и энергосбережения, на фоне интереса финансовых структур к этим новым секторам очевидно, что природный газ является откровенно лишним звеном. Поддерживаемая административными и финансовыми стимулами новая «зеленая» экономика просто не выдержит в нормальной рыночной ситуации конкуренции с голубым топливом.

В мире в настоящее время формируется мощная «экологическая индустрия», которая поглощает все больше капиталов и создает все новые и новые рабочие места. Так, по данным Global Wind Energy Council (GWEC), по состоянию на 2008 год в ветроэнергетику во всем мире было вложено уже 36,5 млрд евро, и в этом секторе было занято свыше 400 тыс. «зеленых воротничков». По прогнозам GWEC, общая сумма инвестиций в ветряную энергетику к 2020 году составит 149,4 млрд евро, а число занятых в данной сфере превысит 2,2 млн человек.

Поэтому активное проталкивание ограничений на эмиссию парниковых газов, муссирование в общественном мнении все новых «климатических страшилок» становится для многих государств важным фактором экономического развития, создавая новые виды продукции и услуг, а также формируя новые рынки сбыта.

Причем, как активно уверяют с международных трибун, глобальный экономический кризис лишь прибавил новую актуальность «экологическому фактору» в качестве способа стимулирования экономики. К примеру, как отмечается в докладе «Климат для выздоровления», подготовленного британским банком HSBC и вышедшем в свет в 2009 году, планета переживает не один кризис, а три: кризис экономики, энергетической безопасности и климата. Аналитики банка обещают, что те экономики, которые направят средства сразу в три эти сферы, должны в результате оказаться в выигрышном положении.

Кроме того, внедрение «зеленых» технологий видится действенным способом решения проблемы занятости. Об этом, к примеру, говорится в представленном в мае 2009 года в Копенгагене на саммите по изменению климата докладе Копенгагенского климатического совета «Зеленые рабочие места и чистая энергия». Согласно докладу, инвестиции в альтернативные источники энергии, помимо сокращения зависимости от традиционных энергоресурсов, позволят параллельно способствовать и разрешению проблемы безработицы (см. «Альтернативные источники энергии как способ борьбы с безработицей»).

Согласно планам администрации президента США Барака Обамы и вице-президента Джо Байдена, в ближайшие десять лет будет инвестировано \$150 млрд в развитие источников альтернативной энергии. Целью этого является сокращение зависимости США от импорта нефти и создание новых рабочих мест. К примеру, «зеленые» рабочие места планируется создать за счет оборудования муниципального жилья технологиями энергосбережения.

Как оптимистично прогнозирует американский рекрутинговый портал Simply Hired, в «зеленом» секторе экономики США к 2010 году будет создано 5,8 млн рабочих мест, а к 2020-му — 6,9 млн. По заявлениям представителей Белого дома, именно инвестиции в новые отрасли экономики и повышение энергоэффективности должны помочь преодолеть кризис и начать не

просто новый виток, а качественно новый экономический рост.

Аналогичные «антикризисные» меры принимают и в европейских странах. Так, в начале 2009 года во Франции был одобрен план защиты окружающей среды до 2020 года, согласно которому в течение этого периода должно быть инвестировано 450 млрд евро преимущественно в энергосбережение, возобновляемые источники энергии и экологию. Осуществление данной программы позволит создать или сохранить 600 тыс. рабочих мест.

Между тем, в период экономического кризиса необходимо искать реальные пути снижения издержек, а не их увеличения. Искусственно создаваемые рабочие места и искусственно создаваемая стоимость не способны действительно бороться с экономическими проблемами. Пусть даже это происходит за счет средств из государственных бюджетов, а также за счет веры инвесторов в светлое будущее низкоуглеродной энергетики.

По нашим оценкам, заявления о том, что «зеленая» энергетика позволит стимулировать экономику и решить проблему безработицы, содержат в себе немалую долю популизма. Во многом это также является пропагандистской ширмой на пути внедрения нового мирового «экологического порядка», построенного на борьбе с выбросами парниковых газов.

Особо подчеркнем, что «зеленая» экономика и связанная с ней система торговли квотами на выброс парниковых газов притягивают к себе пристальное внимание финансовых институтов. Так, обращает внимание тот факт, что банки активно призывают правительства и частный бизнес инвестировать в период кризиса в энергоэффективность и экологию. И вообще ведущие мировые финансовые корпорации за последние годы прилагали значительные усилия для развития углеродного рынка, в том числе путем лоббирования идей «борьбы за климат» в правительствах западных стран.

Фактически в настоящее время мы находимся в процессе становления мощного рынка, который вполне может стать очередным привлекательным объектом

для финансовых инвестиций, в том числе имеющих спекулятивный характер.

Согласно информации New Carbon Finance, к концу августа 2009 года под управлением углеродных фондов находилось \$16,1 млрд. Общий объем мирового рынка квот на выброс CO₂ за 2008 год увеличился на 84% и достиг \$118 млрд.

Согласно прогнозам, объем глобального рынка квот к 2020 году может достигнуть \$1,9 трлн — в основном за счет активного включения в систему сокращения выбросов США, Австралии, Японии, России и других стран. В целом же, по прогнозам многих экспертов, углеродный рынок в будущем по своим объемам должен превзойти нефтяной.

Как ожидается, новое климатическое соглашение в Копенгагене должно открыть дорогу оче-

редному витку развития системы углеродной торговли и тесно связанной с ней отрасли финансовых вложений в «зеленые» промышленные технологии.

То обстоятельство, что переговоры фактически зашли в тупик, в значительной степени подрывает будущее этих финансовых рынков. Кроме того, определенный удар в деле поступательного движения «зеленой» экономики нанес экономический кризис. Некоторыми экспертами ожидалось, что торговля квотами сумеет надуть новый пузырь на мировом финансовом рынке. Однако этого пока не произошло. Из-за промышленного спада цены на климатических биржах пошли вниз, и углеродные квоты не сумели стать тем активом, который бы гарантировал на ближайшие годы постоянный рост.